

КНИГА СЕДЬМАЯ.¹

1

Афинянин. После обсуждения вопроса о рождении детей ⁷⁸⁸ мужского и женского пола всего правильнее было бы высказаться об их воспитании и образовании. Оставить это неразобранным совершенно невозможно; но то, что мы выскажем, окажется скорее похожим на какое-то поучение и увещание, чем на законы. В самом деле, в частной и в семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личной скорби, наслаждения и страсти, легко возникают противоречащие советам законодателя явления, ^В вследствие чего нравы граждан становятся разнообразными и друг на друга непохожими, а это беда для государств. Однако, было бы неблагоприятно и, вместе с тем, непристойно дать законы и установить наказания и в этой области: настолько явления эти незначительны, хотя и часты. Но, с другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к губительной порче даже законов, установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и затруднительно дать законы в этой области, тем не менее промолчать невозможно. Однако, надо выяснить мою мысль, вынести ^С ее, точно образчик ², на свет, а то, ведь, сейчас мы говорим, по видимому, как бы во тьме.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Итак, правильно было сказано, что надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела и души наипрекраснейшими и наилучшими.

Клиний. Так что же?

Д Афинянин. Чтобы тело стало наипрекраснейшим, нужно, думаю я, просто напроосто возрастить его с малых лет в наиболее правильных условиях.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Но разве мы не замечаем, что у всякого живого существа первоначальный рост бывает самым большим и сильным. Это заставило многих спорить о том, что величина человеческого тела с пятилетнего возраста не удваивается в продолжение остальных двадцати лет³.

Клиний. Правда.

789 Афинянин. Так что же? Разве мы не знаем, что сильный рост причиняет тысячи телесных недугов, если не сопровождается многими соразмерными трудами?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Следовательно, тело тогда нуждается в наибольших трудах, когда получает наибольшее питание.

Клиний. Чужестранец, неужели мы в самом деле предпишем наибольшие труды детям, только что родившимся и самым малым!

Афинянин. Нет, не им, а еще сперва и тем, что питаются в утробе матери.

Клиний. Друг мой, что ты говоришь? Неужели ты разумеешь утробных младенцев?

В Афинянин. Да. — Нет ничего удивительного, если вы не знаете о телесных упражнениях применительно к младенцам такого возраста. Как бы это ни было странно, я хотел бы все-таки выяснить вам этот вопрос.

Клиний. Действительно, это очень странно.

Афинянин. Это явление легче заметить у нас⁴, так как там более, чем должно, некоторые люди предаются забавам. У нас не только дети, но даже кое-кто и из старших, воспитывают с птенцов домашних птиц и приучают этих животных к боям друг с другом. Однако, эти люди невысоко ставят трудные упражнения в движениях, которые сообразуются лишь с целью обучить птицу сражаться; сверх упражнений, эти люди берут птиц — маленьких в ладони, больших в руки — и так-то, неся птицу под мышкой, отправляются гулять далеко, на много стадий, ради здоровья,

не своего собственного тела, а ради здоровья этих птенчиков⁵. Отсюда для человека, способного сообразить, становится ясно хотя бы то, что для всякого тела полезны эти беспрестанные сотрясения и толчки в разных направлениях,—все равно, само ли оно их над собой производит или испытывает их на качелях, или на море, или при верховой езде, или когда несется при движении любых тел. Благодаря этому мы лучше воспринимаем питательность пищи и питья; стало быть, все эти упражнения могут доставить нам здоровье, красоту и прочую силу.

2

Раз все это так, то как же, спросим мы себя, надо нам, после этого, поступать? Хотите, мы с улыбкой скажем, что мы устанавливаем следующие законы: беременная женщина должна гулять; младенца надо формировать, точно он из воска, пока он гибок, и пеленать до двухлетнего возраста. Точно так же и кормилиц мы принудим законом, под страхом наказания, постоянно носить младенца в поля или к святилищам или куда-нибудь к родственникам, до тех пор, пока он не сможет стоять на ногах. Но и тогда кормилицам надо остерегаться, как бы малолетние дети, не искривили своих членов при сильном упоре о что-нибудь; кормилицы и тогда должны еще немного потрудиться и носить их, пока дитя не достигнет трех лет. Они должны, по возможности, обладать силой и не быть одной при ребенке. Если все эти условия не будут выполняться, не назначить ли нам наказаний? Или вовсе не стоит этого делать? В самом деле, эта мера вызвала бы чрезвычайно много того, о чем мы недавно говорили.

Клиний. То есть, чего именно?

Афинянин. Много смеха вызвали бы мы; кроме того, женский и рабский нрав кормилицы не дал бы себя убедить.

Клиний. Но в таком случае для чего же, как мы сказали, надо было об этом говорить?

Афинянин. Вот для чего: услышав все это, нравы господ и людей в государстве свободных придут, очень возможно, к здравому сознанию, что тщетно было бы предполагать прочность

законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрено осуществление надлежащим образом и частной жизни граждан. Сообразив это, господа и свободорожденные люди стали бы пользоваться только что указанными законами и, пользуясь ими, хорошо устроили бы свой дом и государство и были бы счастливы.

Клиний. Твои слова очень правдоподобны.

Афинянин. Поэтому мы не оставим и этой области законодательства, пока не установим занятий, касающихся души даже самых малых детей, таким же точно образом, как мы начали доводить до конца наше рассуждение о телесных упражнениях.

Клиний. Вполне правильно.

Афинянин. И в том и другом случае, т. е. и для тела и для души совсем малых детей, возьмем за основное начало кормление грудью и движение, совершаемое в течение, по возможности, всей ночи и дня. Это полезно всем детям, а всего более самым малым, так чтобы они жили постоянно, если возможно, точно на море. К этому надо как можно более приближаться и именно так поступать с новорожденными младенцами. Удостовериться в этом можно еще и из того обстоятельства, что именно это усвоили на опыте и признали полезным кормилицы младенцев и те женщины, что совершают священное врачевание людей, находящихся в корибантическом состоянии⁶. В самом деле, когда матери хотят, чтобы заснул ребенок, которому не спится, они употребляют еовсе не покой, а, напротив, движение, постоянно укачивая ребенка на руках; они прибегают не к молчанию, а к какому-то напеву, и прямо-таки как бы наигрывают детям на флейте; подобным образом врачуют женщины и вакхическое иступление, применяя такое же движение, но с присоединением еще хореи⁷ и музыки.

Клиний. Но что же, чужестранец, здесь служит главной причиной?

Афинянин. Это не так трудно узнать.

Клиний. То есть?

Афинянин. И то и другое переживание сводится к болезни, болезнь же возникает вследствие дурного душевного состояния.
 791 Когда к подобным переживаниям применяется внешнее потрясение, это внешнее движение берет верх над движением вну-

треним, заключающимся в страхе и неистовстве. Одержав верх, оно явно производит в душе безветрие и успокоение; тяжелое сердцебиение прекращается. А это, во всяком случае, желательно. На одних это наводит сон; а тем, кто бодрствует, пляшет и играет на флейте, оно дает возможность, с помощью тех богов, кому они приносят благоприятные жертвы, сменить свое неистовое настроение на разумное состояние. Хотя мы коснулись ^В всего этого лишь вкратце, но и тут есть некоторое убедительное основание.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Если все это производит такое действие, то мы должны вдуматься в то, что можно заметить и на себе: всякая душа, с малолетства причастная боязни, с течением времени еще более приучится к страху. И всякий скажет, что здесь будет происходить упражнение в трусости, а не в мужестве.

Клиний. Да, так.

Афинянин. И, наоборот, мы сказали бы, что занятие, развивающее с малолетства мужество, заключается в умении побеждать боязнь и страх, на нас нападающий. ^С

Клиний. Верно.

Афинянин. Мы скажем, что упражнения совсем малых детей в движениях окажут сильное у нас влияние на одну из частей душевной добродетели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. И в самом деле, кроткое душевное настроение является немаловажной составной частью хорошего душевного состояния, точно так же, как тяжелое настроение — дурного душевного состояния.

Клиний. Да.

Афинянин. Каким же образом можно сразу внушить новорожденному это желательное нам настроение? Надо попытаться выяснить, насколько удастся здесь тем или иным образом достигнуть успеха. ^Д

Клиний. Да.

3

Афинянин. Я приведу господствующее у нас мнение: изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым и

очень впечатлительным к мелочам; обратно, излишнее и грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными и человеконенавистниками, так что, в конце концов, они становятся непригодными для совместной жизни.

Е Клиний. Каким же образом все государство в целом может воспитывать детей в том возрасте, когда они еще не говорят и не способны вкусить прочего образования?

Афинянин. А примерно так: первый звук всякого новорожденного существа—крик; это не менее касается и человеческого рода, которому в особенности свойствен, кроме крика, и плач.

Клиний. Конечно.

792 Афинянин. Поэтому кормилицы, желая узнать, чего хочет ребенок, заключают об этом, поднося ему те или иные вещи. В самом деле, если ребенок замолчит, заметив подносимую вещь, они считают, что хорошо отгадали; если же плач и крик продолжают, то — не отгадали. Детки обнаруживают свою любовь или ненависть плачем и криком — знаками далеко неудачными. А между тем, этот период длится не менее трех лет; немало важно, как провести эту часть жизни: худо или же получше.

Клиний. Ты прав.

В Афинянин. Разве вам не кажется, что ребенок с тяжелым нравом, который никогда не бывает радостным, склонен к плачу и хныканью гораздо более, чем это нужно хорошему человеку.

Клиний. По моему мнению, да.

Афинянин. Так что же? Если попытаться, в течение указанных трех лет, применять всякие средства, чтобы наш воспитанник, по мере сил, как можно меньше подвергся боли, страху и всяческой скорби, то разве, по нашему, это не сделает тогда души воспитанника веселой и радостной?

С Клиний. Очевидно, что да; в особенности же, чужестранец, если ему доставлять много развлечений.

Афинянин. Здесь, дорогой мой, я уже не последую за Клинием, потому что, действуя так, мы всего более испортим ребенка, что очень часто случается в начале воспитания. Посмотрим, что именно это значит.

Клиний. Скажи, что ты разумеешь?

Афинянин. У нас обоих сейчас идет речь о предмете немаловажном. И ты, Мегилл, рассуди нас. По моему утвержде-

нию, в правильной жизни не должно преследовать наслаждений и, в свою очередь, не должно вовсе избегать скорбей; надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обозначив его как радостное; это расположение духа мы все, согласно некоему священному прорицанию, метко приписываем и богу. Я утверждаю, что тот из нас, кто намерен стать божественным, должен стремиться именно к такому состоянию, так чтобы ни самому не предаваться исключительно наслаждениям—ибо ему не миновать скорбей—ни всем другим из нас—старикам или юношам, мужчинам или женщинам—не позволять испытывать подобного состояния, а всего менее, по мере сил, только что родившемуся ребенку. Ибо основной характер каждого человека складывается путем привычки всего сильнее именно в этом возрасте⁸. А я лично, — если бы только не показалось, что я собираюсь шутить — сказал бы, что и все беременные женщины должны, в течение беременности, в особенности заботиться о том, чтобы не испытывать никаких страстных наслаждений, а также и скорбей; этот промежуток времени они должны прожить предпочтительно в радостном, благожелательном и кротком настроении.

Клиний. Тебе, чужестранец, вовсе не надо спрашивать Мегилла, кто из нас обоих более прав. Я сам уступаю тебе: да, все должны избегать в жизни неумеренных скорбей и наслаждений и всегда держаться какой-то середины. Ты это прекрасно сказал, и я с тобой согласен.

Афинянин. Вполне правильно, Клиний. Но кроме того, давайте, обсудим все втроем еще вот что.

Клиний. Что именно?

4

Афинянин. Все то, что мы сейчас разобрали, относится к неписанным узаконениям, как их большинство называет. То, что именуют отеческими законами, есть не что иное, как именно совокупность подобных правил. Осенившая нас сейчас мысль⁹ о том, что здесь нельзя говорить о законах, хотя, с другой стороны, и нельзя оставить эти вопросы не затронутыми, высказана прекрасно. Эти правила связуют любой государствен-

ный строй; они занимают середину между всеми законами, письменно установленными, и теми, что еще будут установлены. Попросту, это как бы отеческие и чрезвычайно древние узаконения. Если их хорошо установить и ввести в жизнь, они явятся всяческим спасительным покровом для современных им писанных законов. Если же, по небрежности, при этом переступить границы прекрасного, все рухнет так же, как если бы зодчие тайно удалили средние основы своего здания; а так как одно поддерживает другое, то, при ниспровержении древних основ, обрушивается и все позднейшее прекрасное сооружение. Мы, Клиний, должны считаться с этим; поэтому тебе нужно всячески скрепить новое государство, не упуская, по возможности, ни великого ни малого из того, что называется законами, обычаями или обыкновениями. Ибо все это связует государство; ни одно из этих двух начал не может быть прочно без другого. Поэтому не надо удивляться, если у нас законы становятся более пространными, вследствие наплыва многочисленных узаконений и навыков, кажущихся даже мелочными.

Клиний. Ты говоришь верно; мы будем держаться таких же мыслей.

Афинянин. Следовательно, для малолетних воспитанников будет очень полезно, если к ним будут не только между прочим, но со всей тщательностью применять вышеуказанные правила, вплоть до достижения мальчиком или девочкой трехлетнего возраста. Впрочем, душевный склад трехлетнего, четырехлетнего, пятилетнего и даже шестилетнего ребенка нуждается в забавах. Однако, надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, но так, чтобы не задеть их самолюбия; надо это делать так же, как делаешь и по отношению к рабам, о чем мы уже говорили, именно: не надо позволять наказывающим оскорблять наказываемого, так как это вызывает в нем раздражение; не 794
нельзя и баловать отсутствием наказаний. Так вот, точно так же надо поступать и с детьми свободорожденных. У детей этого возраста некоторые забавы возникают как-то сами собой; когда дети собираются вместе, они чуть что ни сами их изобретают. Все дети этого возраста, т. е. с трех до шести лет, пусть собираются в святилищах каждого поселка, так что дети всех жителей поселка будут там вместе. Кормилицы должны заботиться

также и о детях этого возраста, чтобы они были благопристойны, а не распушены. Над самими же кормилицами и над всем этим детским садом¹⁰ будут поставлены двенадцать женщин — по одной для каждого такого детского сада, чтобы следить там за порядком; их будут ежегодно назначать законохранители из числа вышеупомянутых кормилиц. Выборы их будут производить женщины, ведающие попечением о браках; из числа своих ровесниц они выберут по одной из каждой филы. Поставленная на эту должность будет посещать ежедневно определенное святилище и всякий раз налагать наказание, если кто провинится; раба или рабыню, чужестранца или чужестранку она будет наказывать сама при помощи государственных рабов, а гражданина, если он оспаривает необходимость наказания, она поведет на суд астиномов; если же гражданин не оспаривает, она и его наказывает сама. После того, как дети достигнут шестилетнего возраста, оба пола отделяются. Мальчики проводят время с мальчиками; точно так же девочки с девочками. Но и те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из пращи, метания дротиков. Если девочки согласятся, они точно так же, по крайней мере, хоть обучаются этому; в особенности же следует им научиться употреблению оружия. Здесь чуть что ни все люди не отдадут себе отчета в установившемся ныне положении. D

Клиний. В каком именно?

5

Афинянин. В том, будто у нас правая и левая рука от природы употребляются для различных действий. Между тем ясно, что ноги, вообще задние конечности, вовсе не различаются в смысле работы. А что касается рук, то здесь каждый из нас стал бы калеккой, из-за неразумия кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравнивала те и другие конечности, и E уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом. При некоторых действиях разница эта не велика: так лиру мы держим в левой руке, а плектр в правой, и тому подобное — здесь это не имеет значения¹¹.

- 795 Это может служить нам примером, что было бы почти безумием считать, будто не следует применять того же и при других действиях. Доказывается это и обычаем скифов: они не держат лука исключительно в левой руке, а стрелу — в правой, но пользуются и для того и для другого одинаково обеими руками. Очень много других подобных же примеров можно найти в искусстве править возжами и в других областях; из этих примеров можно понять, что поступают вопреки природе те, кто развивает левую руку в ущерб правой. Как мы сказали, при роговых плектрах и тому
- В подобных орудиях это несущественно. Но это очень важно, когда приходится пользоваться для военных целей железными орудиями, луками, дротиками, вообще оружием. А всего важнее это в тех случаях, когда оружием надо отражать оружие. Здесь огромная разница между человеком, усвоившим это себе, и не усвоившим, между тем, кто в этом упражнялся, и тем, кто не упражнялся. Все равно как человек, вполне искусившийся в панкратии¹² или в борьбе или в кулачном бою, бывает в состоянии сражаться и левой стороной; но если он этим пренебрежет, то станет хромать и подаваться, когда противник переменит направление и заставит его бороться другой стороной тела; то же
- С самое, думаю я, нужно по праву ожидать и при вооруженной борьбе и во всех остальных случаях. Ведь человек обладает двумя руками, чтобы отражать нападения и хватать ими противника; поэтому ни одной из них, по мере сил, нельзя оставлять бездеятельной и необученной. И если кто родится с природой Гериона или Бриарея, то он должен быть в состоянии всей сотней своих рук метать сотню стрел¹³.
- Д О всем этом должны иметь попечение правительницы и правители. Первые станут надзирать за этим в играх и при воспитании, последние—при обучении, чтобы все юноши и девушки стали ловконогими и ловкурокими¹⁴, и, по мере сил, ничуть не извратили привычками своих природных свойств.

6

Обучением надо бы воспользоваться, так сказать, двояко: по отношению к телу — гимнастическим искусством, а для раз-

вития хороших качеств души—мусическим. Относящееся к гимнастическому искусству, в свою очередь, подразделяется на два вида: во-первых пляска, во-вторых борьба. Один вид пляски воспроизводит язык Музы, сохраняя величественность и, вместе с тем, благородство; другой вид служит для придания здоровья, ловкости и красоты членам и частям самого тела путем подходящих для каждого из них сгибаний и растягиваний, причем ритмическое движение распространяется на протяжении всей пляски и, вместе с тем, в достаточной мере сопровождает ее.

Далее, что касается борьбы, то вовсе не полезно для участия в войне и не достойно словесных прикрас то, что из-за неупорядоченного честолюбия, установили в своем искусстве Антей или Керкион, а Эпий или Амик— в кулачном бою¹⁵. Что же касается борьбы в стоячем положении¹⁶, когда стараются высвободить¹⁷ затылок, руки, бока, когда трудятся ревностно и стойко ради благообразной мощи и здоровья¹⁸, то эта борьба полезна во всех отношениях; ее нельзя оставить в стороне; напротив, ее надо предписать как обучающимся, так и учителям, когда мы в нашем законодательстве дойдем до этого места. Учителя пусть преподают благосклонно все это, а ученики пусть с благодарностью воспринимают.

В свою очередь нельзя оставить в стороне и подходящих воспроизведений путем хороводных плясок. Таковы здешние вооруженные игры Куретов, а в Лакедемонии — Диоскуров¹⁹. В свою очередь и у нас Дева - Владычица, возрадовавшись хороводной забаве, не сочла должным ликовать с пустыми руками, но, украсившись полным вооружением, в нем исполнила свою пляску²⁰. Юношам и девушкам подобало бы всячески воспроизводить это, почитая милость богини, а также и ради военных надобностей и празднеств. Малым детям в то время, пока они еще не идут на войну, надо было бы, при совершении шествий и торжественных процессий в честь всех богов, всегда украшаться оружием, сидеть на коне, плясать и идти то быстрее, то медленнее, молитвенно обращаясь с просьбами к богам и чадам Божиим. Состязания и предварительные упражнения к ним надо устраивать именно ради этой цели, если уже нужно указывать их цель. Эти состязания полезны и в мирное время и при войне как для государственного строя, так и в частном быту. Осталь-

ные же труды, забавы и попечения о теле несвойственны свободорожденным людям, Мегилл и Клиний.

В предшествующих рассуждениях я указал, что надо разоб-
раться вопрос о гимнастическом искусстве. Теперь я его почти
что разобрал; будем считать его исчерпанным. Но если вы мо-
жете предложить нечто лучшее, то сообщите это для общего
сведения.

Клиний. Нелегко, чужестранец, отклонить это и предложить
что-нибудь лучшее относительно гимнастического искусства и
состязаний.

Афинянин. Итак, что касается следующего за этим вопроса
о дарах Муз и Аполлона, то мы полагали тогда, будто мы всё
уже высказали, так что остается только вопрос о гимнастиче-
ском искусстве. Но теперь ясно, в чем заключается этот вопрос,
а также и то, что о нем надо говорить прежде всего. Так перей-
дем же непосредственно к нему.

Клиний. Отлично, перейдем.

797 Афинянин. Выслушайте меня так, как вы выслушали и
раньше. И теперь, точно так же придется с большой осторож-
ностью высказать и выслушать нечто очень странное и необыч-
ное. Поэтому я не без страха скажу свое слово; все же, со-
бравшись с духом, я не отступлю.

Клиний. О чем ты говоришь, чужестранец?

Афинянин. Во всех государствах, утверждаю я, никому не-
ведомо, что характер игр в высшей степени влияет на устано-
вление законов в том смысле, будут ли установленные законы
прочными, или не будут. Если игры установлены так, что одни
и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, точно
так же соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь
одним и тем же забавам, то все это позволяет пребывать не-
зыблемыми также и серьезным узаконениям. Если же молодежь
колеблет это единообразие игр, вводит новшества, постоянно
прибегает к разным изменениям и не одно и то же всегда счи-
тает себе любезным, не согласна сама с собой относительно
своего внешнего телесного облика и остального убора, не при-
знаёт раз навсегда установленных правил о том, что благо-
образно и что безобразно, но относится с чрезвычайным почте-
нием к тому человеку, кто вечно вводит какие-нибудь совре-

менные новшества, вносит нечто иное, непривычное, во внешний облик, в цвета и во все тому подобное, — то мы вполне в праве сказать, что для государства нет ничего более губительного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодежи и заставляет ее бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет большего наказания, как такой взгляд или мнение. Выслушайте, насколько, по моему мнению, велико это зло.

Клиний. Ты говоришь о презрении к старине в государствах? D

Афинянин. Да, именно об этом.

Клиний. В таком случае, мы будем не невнимательными, но в высшей степени сочувствующими слушателями этой твоей речи.

Афинянин. Естественно.

Клиний. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Так давайте, скажем друг другу, что сейчас нам надо быть в особенности внимательными. В самом деле, мы найдем, что изменение во всем, за исключением злых бедствий, является самым ненадежным: и в смене всех времен года, и в ветрах, и в укладе телесной жизни, и в характере, словом — E изменение не только в чем-либо одном, а в другом нет, — но решительно во всем, за исключением только, как я сейчас сказал, злых бедствий. Если обратить внимание на тело, то можно заметить, как оно привыкает к разной еде, разным напиткам, к трудам. Сперва все это вызывает расстройство, но затем, с течением времени, из всего этого возникает соответствующая им плоть; тело ознакомляется, свыкается с этим укладом жизни, любит его, испытывает наслаждение, здоровеет и чувствует себя 798 превосходно. И если такое тело будет вынуждено когда-нибудь снова изменить тот или иной полюбившийся ему уклад жизни, то в начале оно испытывает болезненное расстройство и с трудом восстанавливается, когда снова привыкнет к этому питанию. Надо полагать, что то же самое бывает и с образом мыслей и душевною природой людей. Те законы, которыми они были вскормлены, стали, в течение долгого промежутка времени, непоколебимыми, вследствие какой-то божественной счастливой B случайности, так что никто не помнит, да и не слышал, чтобы с законами дело обстояло когда-либо иначе, чем теперь; всякая

душа благоговейно боится поколебать что-либо из установленных тогда законов. Так вот законодателю и надо, так или иначе, придумать средство, чтобы в его государстве каким-нибудь образом было осуществлено именно это. Я лично усматриваю это средство вот в чем: изменения в играх молодежи все люди считают, как мы раньше указывали, действительно игрой, в высшей степени не серьезной и не влекущей за собой никакого вреда, так что они не отвращают молодежи от этого, но снисходительно сами следуют за ней. Здесь не принимают в расчет следующего: те дети, что вводят новшества в свои игры, неизбежно станут взрослыми и иными людьми, чем дети, бывшие до них; а раз они стали иными, они будут стремиться к иной жизни и, при этом своем стремлении, пожелают иных обыкновений и законов. Никто из них не боится, что, вслед за этим, для государства наступит величайшее бедствие, о котором сейчас и идет речь.

D Правда, иные изменения, поскольку они касаются лишь внешнего облика, произвели бы меньше бед. Но если это касается изменений в нравах, когда нередко начинают хвалить то, что порицали, и порицать то, что хвалили, то, думаю я, к этому более, чем к чему другому, надо было бы отнестись с наивеличайшей осмотрительностью.

Клиний. Как же иначе!

8

Афинянин. Так что же? Убеждены ли мы и до сих пор в том, что утверждали раньше, т. е., что все относящееся к ритмам и вообще ко всякому мусическому искусству, является воспроизведением человеческих характеров, как лучших, так и худших? Или как?

Клиний. Да именно так; по крайней мере, таково наше мнение.

Афинянин. Следовательно, мы утверждаем, что надо найти всяческие средства, чтобы дети у нас не стремились в плясках или в напевах к другим воспроизведениям и чтобы никто их не побудил к тому соблазном разных наслаждений.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Есть ли у кого-нибудь из нас лучший прием в этой области, чем у египтян?

799

Клиний. О каком приеме ты говоришь?

Афинянин. Он заключается в том, чтобы всякую пляску, всякое пение сделать священными. Для этого сперва были установлены празднества, расчисленные на год, именно: какие празднества и в какое время надо справлять и в честь каких богов, детей их и демонов; затем, какое песнопение надо воспевать при каждом жертвоприношении богам, какой хороводной пляской надо тогда почтить жертвоприношение. Сперва были установлены любые; но раз уже они установились, то все граждане со-
обща совершают жертвоприношение Мойрам и всем остальным богам, во время возлияния освящают каждое песнопение в честь каждого из богов и из остальных высших существ²¹. Если же, вопреки этому, кто-нибудь станет вводить другие гимны или хороводные пляски в честь кого-либо из богов, то его удерживают жрецы и жрицы, вместе с законохранителями, следуя благочестию и закону. Если же удерживаемый не удержится добровольно, то всякий желающий может привлечь его, в течение всей его жизни, к суду за нечестие.

Клиний. Правильно.

Афинянин. В этом месте нашей беседы, нам придется испытать то, что свойственно нашим летам.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Всякий юноша, — не говорю уже о стариках, — увидев или услышав что-либо редкое и вовсе непривычное, никогда не уступит в спорном вопросе и не кинется так-таки сразу, но остановится, очутившись точно на распутьи. Один ли он совершает свой путь или с другими людьми, но раз он не слишком хорошо знает дорогу, то он станет спрашивать и самого себя и других о том, что его затрудняет, и двинется дальше не прежде, чем исследует основательно свой путь и то, куда он ведет. В настоящем случае нам надо поступить точно так же. Раз нам сейчас встретилось странное утверждение относительно законов, то необходимо нам произвести всяческое исследование, а не так-таки попросту высказаться по столь важному вопросу, точно мы можем сразу утверждать что-нибудь с полной ясностью: ведь наши годы уже не таковы.

Клиний. Совершенно верно.

Е Афинянин. Предоставим это времени; мы обоснуем этот вопрос тогда, когда достаточно его рассмотрим. А чтобы понапрасну не помешать последовательности законов, которые нам теперь предстоит завершить, мы продолжим до конца наше рассмотрение законов. Очень возможно, если только угодно богу, что это наше рассмотрение в целом, когда оно будет окончено, достаточно разъяснит и это нынешнее затруднение.

Клиний. Ты говоришь превосходно, чужестранец; мы поступим так, как ты сказал.

Афинянин. Так вот мы и говорим: пусть будет принято это странное утверждение, что у нас песнопения станут законами. Повидимому, как-нибудь так древние называли то, что исполняется певцом под сопровождение кифары²². Очень возможно, что 800 и древние не так уже были далеки от нашего нынешнего утверждения, но кто-нибудь и тогда во сне или же наяву, пробудившись в пророческой грезе, предугадал его. Итак, наше постановление по этому вопросу пусть будет следующим: никто не должен петь или плясать вопреки священным общенародным песням и всем в совокупности хороводным пляскам молодежи. Этого надо остерегаться еще более, чем нарушений любого другого закона. Кто это соблюдает, остается безнаказанным; слушника же на- В казывают, как было сейчас сказано, законохранители, жрецы и жрицы. Пусть так будет постановлено в нашей нынешней бе- седе.

Клиний. Пусть будет постановлено.

9

Афинянин. Каким же образом установить этот закон, чтобы не возбудить слишком сильных насмешек? По этому поводу обратим внимание на следующее: самое безопасное — сперва создать эти законы лишь словесно, сделать как бы пробный с них оттиск. Я имею в виду один из этих оттисков в таком приблизительно роде: если, допустим, после согласного с законами жертвоприношения и сожжения жертвенных животных, чей-нибудь С сын или брат, по собственному почину, станет подле алтаря и

жертвы и начнет всячески злословить, то неужели, спросим мы, эти его речи не породят уныния в его отце и в остальных родственниках и не явятся дурным предзнаменованием и предвещанием?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Между тем это у нас случается, так сказать, чуть что ни во всех государствах. Когда какая-нибудь правительственная должность совершает от лица государства какое-либо жертвоприношение, то, вслед за этим, является туда хор, становится недалеко от алтаря, а иной раз подле него самого, и начинает изливать всяческое злословие на священнодействие, смущает души слушателей своими словами, ритмами и плачевнейшими гармониями; и кто больше всего вызывает слез у государства, только что совершившего жертвоприношения, тот получает победную награду. Неужели мы не забракуем этого обычая? Если уже когда граждане и должны выслушивать подобные вопли, например, в дни несчастливые, нечистые²³, то тогда следовало бы для этого выступать скорее каким-нибудь иноземным хором, состоящим из нанятых певцов, подобно тому, как на похоронах нанятые люди сопровождают покойника Карийской Музой²⁴; нечто подобное приличествовало бы осуществить и при упомянутых песнопениях. Погребальным песнопениям подобали бы не венки и не позолоченные уборы, но длинное одеяние²⁵. Чтобы как можно скорее покончить с этим, скажу, что здесь все должно быть как раз наоборот. Нам же самим я снова задам следующий вопрос: угодно ли нам установить сперва этот один вид оттиска для песнопений?

Клиний. В чем именно он состоит?

Афинянин. В благословии²⁶. Пусть у нас род песнопений будет всячески и во всех отношениях благословным. Нужно ли еще говорить об этом, или можно прямо считать это установленным?

Клиний. Разумеется, считай это установленным. Ведь этот закон имеет за себя все голоса.

Афинянин. Что же является вторым законом мусического искусства, вслед за благословием? Не молитвы ли тем богам, кому мы каждый раз приносим жертвы?

Клиний. Да, так.

Афинянин. А третьим законом, думаю, будет вот какой: поэты должны знать, что молитвы к богам это — просьбы; в поэтому они должны обратить все свое внимание на то, чтобы не просить нечаянно, под видом добра, зла. Смешное создалось бы положение, думаю я, если бы исполнилась подобная молитва!

Клиний. Так что же?

Афинянин. Немного ранее в нашей беседе мы пришли к убеждению, что в государстве не должно быть обиталища для серебряного и золотого богатства²⁷.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Почему мы в нашей речи привели этот пример? Не потому ли, что не весь род поэтов способен вполне отличаться благо от его противоположности. Поэтому, если какой поэт в своем произведении, в словах или в напеве, погрешит в этом отношении, то такие молитвы будут неправильны; а это заставит наших граждан в самых важных делах молиться не о том, о чем следует. Как мы говорили, немного можно найти погрешностей бóльших, чем эта. Установим же и это правило, как один из образцов и законов, касающихся музыки.

Клиний. Что именно? скажи нам яснее.

Афинянин. Поэт не должен творить ничего вопреки государственным узаконениям, вопреки справедливости, красоте и благу; свои творения он не должен показывать никому из частных лиц, прежде чем не покажет их судьям, для того поставленным, и законохранителям и не получит их одобрения. У нас уже почти что имеются лица, поставленные для этого, именно: выбранные нами законодатели в области мусического искусства и попечитель о воспитании. Так что же? Я повторяю свой вопрос не в первый раз: установить ли нам это, как третий закон, образец и оттиск? Как вам кажется?

Клиний. Установим; почему нет?

Афинянин. Далее вполне правильно было бы воспевать Е гимны богам и хвалебные песни, соединенные с молитвами, и

точно так же, вслед за богами, обращаться с подобающими молитвами и хвалебными песнопениями к демонам и героям.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. После этого сразу можно установить закон, который не встретит возражений: следовало бы почитать хвалебными песнями тех из окончивших свою жизнь граждан, кто, телесно или духовно, совершил прекрасные, трудные дела и был послушен законам.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Небезопасно почитать хвалебными песнями и гимнами людей еще живущих, пока они не завершат прекрасным окончанием всего течения своей жизни. Все это у нас будет одинаково касаться как мужчин, так и женщин, которые выкажут свою добродетель. 802

Песнопения же и пляски надо устанавливать так. В мусическом искусстве есть много прекрасных древних произведений древних поэтов, а для тела точно так же есть много плясок. Ничто не мешает выбрать из них то, что подобает и подходит учреждаемому государственному строю. В оценщики будут избраны лица, не моложе пятидесяти лет; они произведут выбор из древних произведений; они допустят те, которые окажутся надлежащими; вовсе неподходящие произведения они совершенно откинут; произведения, имеющие недостатки, они подвергнут многократному исправлению²⁸. Для этого они привлекут поэтов и музыкантов, используя их творческое дарование; при этом они не будут считаться с их вкусами и страстями — разве лишь в немногих случаях, — но как можно более истолкуют им намерения законодателя и, в духе этих намерений, составят пляски, песнопения и все относящееся к хороводам. То занятие Музами, где беспорядок заменен порядком, всегда бесконечно лучше, даже если здесь и отсутствует сладостная Муза. А приятность есть общее свойство всех Муз. Человек, с детства вплоть до зрелого и разумного возраста сжившийся с здравомысленной и упорядоченной Музой, услышав противоположную ей Музу, испытывает к ней ненависть и признаёт ее неблагородной; кто же воспитался на Музе обыкновенной и сладостной, тот говорит, что противоположная ей Муза холодна и неприятна. Поэтому, как и было сейчас сказано, в смысле приятности или неприят-

B
C
D

ности ни одна из них ничуть не превосходит другую. Зато одна из них чрезвычайно улучшает людей, на ней воспитавшихся, а другая ухудшает.

Клиний. Это ты хорошо сказал.

Афинянин. Далее надо было бы определить характер, отличающий от мужских песнопений те песнопения, что подобают женщинам. Необходимо для них установить подходящие гармонии и ритмы. Нехорошо, если напев идет в разрез с гармонией в ее целом, если нарушается ритмичность, и ничто в песнях не соблюдено надлежащим образом. Необходимо и здесь установить законом определенные схемы. И мужскому и женскому полу необходимо предоставить произведения, содержащие в себе оба эти элемента, т. е. гармонию и ритм; но при этом женщинам надо предоставить то, что соответствует именно этому природному различию полов. А это-то и надо выяснить. Следует признать, что величественное и побуждающее к мужеству имеет мужской облик, склоняющееся же к благопристойности и скромности более родственно женщинам; поэтому и было бы разумно предоставить его им путем закона. Приблизительно таково будет это распределение.

803 Затем надо поговорить о преподавании всего этого и об обучении: каким образом, кому и в какое время надо все это делать. Подобно тому, как кораблестроитель, набрасывая основу постройки, очерчивает схему киля судна, так же точно, кажется мне, поступаю и я в своих попытках установить схемы образов жизни. При своем наброске я основываюсь на душевных свойствах; они, действительно, составляют их киль. Я надлежащим образом считаюсь с тем, при помощи каких средств и каких способов мы всего лучше проведем жизнь в течение того плавания, 804 каким является наше существование. Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот; но все же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом и нет. Раз мы очутились в таком положении, было бы, пожалуй, целесообразно так или иначе выполнить наше задание подобающим образом. Впрочем, о чем это я говорю? Кто-нибудь мог бы правильно прервать меня таким вопросом.

С Клиний. Это верно.

Афинянин. Я утверждаю, что о серьезном надо заботиться

серьезно, а о несерьезном — не надо. По природе, божество достойно всяческой блаженной заботы, а человек, как мы сказали выше, какая-то придуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим назначением человека. Надо следовать этому образу; поэтому всякий мужчина и женщина пусть проводит свою жизнь, играя наипрекраснейшие игры, хотя такой взгляд и противоречит тому, что теперь принято.

Клиний. То есть?

D

Афинянин. Теперь думают, что серьезные заботы должны существовать ради игр. Так считают, что серьезные вопросы, связанные с войной, надо хорошо упорядочить ради мира. А ведь то, что бывает на войне, по своей природе, вовсе не является ни игрой, ни воспитательным средством, достойным нашего упоминания, — и сейчас не является и впредь не будет таким. А мы-то говорим, будто для нас это самое серьезное. Именно в мире должен каждый как можно более и как можно лучше провести свою жизнь. Итак, в чем же заключается правильный взгляд? Надо жить, играя. Что же это за игра²⁹? Жертвоприношения, песнопения, пляски, чтобы быть в состоянии снискать милость богов к себе, а врагов отразить и победить в битвах. Но какими песнями и плясками можно осуществить и то и другое? Образцы этого были указаны, и проложены как бы пути, по которым надо идти, если считать, что и поэт был прав, говоря:

E

„Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли-ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан“...

804

[Одисс. III, 26].

Точно так же должны мыслить и наши питомцы, полагая, что им уже отчасти даны достаточные указания о жертвоприношениях и хороводных плясках, отчасти же и демон и бог внушит им, в честь кого именно и в какое время надо их совершать, чтобы в играх снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей своей части куклы и лишь чуть-чуть причастны истине.

B

Мегилл. Ты совершенно принижаешь наш человеческий род, чужестранец!

Афинянин. Не удивляйся, Мегилл, прости меня! Я взирал на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если тебе угодно, будем считать наш род не презренным, но достойным серьезного попечения.

11

Далее речь будет идти о постройке гимнасий и, вместе с тем, общественных училищ в трех местах посредине города; затем об устройении, опять-таки в трех местах, но уже вне города, в окрестностях, манежей и плацов, хорошо приспособленных для стрельбы из лука и остальных упражнений в метании. Они будут устроены для обучения и, вместе с тем, для упражнения молодежи. Если тогда об этом было сказано недостаточно, то пусть теперь не только будет сказано, но и постановлено законом. Во всех этих училищах, наемные учителя, из числа оседлых чужестранцев, будут обучать всем военным наукам и мусическому искусству приходящих учеников; при этом не только тот будет посещать училище чей отец этого хочет — а чей не хочет, так тот будто бы может отстраниться от воспитания — но, как говорится, и стар и млад должны, по мере сил, непременно получить образование: ведь дети принадлежат более государству, чем своим родителям. Все это мой закон предписал бы одинаково и для женщин, так же как для мужчин: и женщины должны упражняться равным образом. Я ничуть не побоялся бы утверждать так и о верховой езде и о гимнастическом искусстве; разве это подобает только мужчинам, а женщинам нет? Я убеждаюсь в этом, слыша древние предания; я, говоря коротко, знаю, что и теперь есть бесчисленное множество женщин в области Понта — их называют савроматидами³⁰, которые равным образом и сообщая с мужчинами упражняются в установленной стрельбе из лука, в употреблении прочего оружия, а не только в верховой езде. Сверх того, у меня есть еще вот какие соображения по этому поводу: я утверждаю, что коль скоро это вообще возможно, то в высшей степени неразумно поступают теперь в наших местах, когда не приучаются к этому все, изо всех сил, единодушно и одинаково, как мужчины, так и женщины. Чуть что ни всякое государство

является и становится таким образом половинным, вместо того, чтобы быть вдвое бóльшим, благодаря тожеству целей и тягот. Конечно, это странная погрешность со стороны законодателя. В

Клиний. Кажется, так. Впрочем, чужестранец, очень многое из высказываемого нами теперь противоречит обычному типу государственного устройства. Ты сказал, что надо предоставить нашей беседе хорошо развиться, а затем, когда она разовьется, надо будет выбрать из нее то, что будет признано хорошим. Твои слова были очень складны; а теперь ты заставил меня упрекать самого себя за эти мои слова. Так говори же дальше все, что тебе по сердцу! С

12

Афинянин. Мне лично, Клиний, по сердцу то, о чем я говорил и раньше, именно: если возможность осуществления моего замысла недостаточно обоснована на деле, то, пожалуй, найдутся возражения против моего плана. Но сейчас тому, кто вовсе не принимает этого закона, надо поискать чего-либо другого. А при этих условиях не погашается наше желание, утверждающее, что женский пол должен у нас, наравне с мужским, принимать участие в образовании и во всем остальном. В самом деле, мы должны в этом вопросе мыслить, примерно, так: скажи, если женщины не участвуют сообща с мужчинами во всяческих проявлениях жизни, то, не правда ли, для них надо установить какой-нибудь иной распорядок? D

Клиний. Это необходимо.

Афинянин. Какой же образ жизни из числа вышеуказанных нами сейчас установим мы для женщин, раз мы теперь предписываем им это участие наравне с мужчинами? Тот ли, что у фракийцев и у многих других племен, которые пользуются женщинами для земледелия, скотоводства, овцеводства, для домашних услуг — словом не делают никакого различия между ними и рабами? Или тот, что у всех нас и у жителей той местности? ³¹ У нас теперь дело обстоит так: все наше, так называемое, имущество мы сносим в какое-нибудь одно жилище и вручаем его женщинам; они распоряжаются им, руководят тканьем и пряжею E

шерсти. Лаконские же порядки, Мегилл, занимают, не правда ли, 806 середину между этими двумя крайностями. Девушки должны участвовать в гимназиях, а вместе с тем и в мусическом искусстве. Женщины же, хотя и не трудятся над пряжею шерсти, должны плести жизнь, полную упражнений, никоим образом не ничтожную или малоценную; и здесь опять-таки они занимают какую-то середину в попечениях о хозяйстве и о воспитании детей; но в военном деле они не участвуют. Поэтому, в случае необходимости сражаться за государство и за детей, они не могут применять лук, как это делают амазонки; не искусны они и в других метательных орудиях; они не умеют, взявши щит и копье, подражать богине, чтобы благородно противостать разгрому своей родины или, по меньшей мере, хотя бы навести страх на врагов своим появлением в каком-нибудь отряде. Раз они ведут такой образ жизни, то, конечно, они вовсе не осмелятся подражать савроматам: ведь женщины савроматов, по сравнению с женщинами вообще, показались бы мужчинами. C Итак, пусть, кто хочет, хвалит ваших законодателей. Я же высказал бы свое мнение попрежнему: законодатель должен быть последовательным до конца, а не останавливаться на полдороге. Поэтому он не должен допускать, чтобы женский пол предавался неге, расточительности и беспорядочному образу жизни; ведь законодатель, до конца позаботившись лишь о мужском поле, тем самым оставляет государству, пожалуй, только половину счастливой жизни вместо двойной.

Мегилл. Как нам поступить, Клиний? Позволить ли нам этому чужестранцу делать подобный набег на Спарту?

D Клиний. Да, придется позволить, раз уже ему предоставлена полная свобода слова, пока мы не разберем законов достаточно и со всех сторон.

Мегилл. Ты прав.

Афинянин. Таким образом, пожалуй, уже мое дело попытаться выяснить и дальнейшее.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Какой же образ жизни станут вести люди, которые снабжены всем необходимым в должной мере? Ремесла там поручены другим; земледелие передано рабам, собирающим с земли жатву, достаточную для приличной жизни людей; там устроены сисситии отдельно для мужчин, и невдалеке для их домохозяев, как для детей женского пола, так и для их матерей. Там правителям и правительницам предписано ежедневно надзирать и смотреть за поведением столующихся и затем распускать эти собрания, причем правитель и все остальные совершают возлияния богам, которым посвящена тогдашняя ночь или день; и так-то все отправляются по домам. Неужели не осталось уже ни одного необходимого и вполне подобающего дела для людей, соблюдающих этот распорядок? Или каждый из них должен лишь жить, жирея на подобие скота? Нет, утверждаем мы, это несправедливо и непрекрасно, да и невозможно, чтобы живущего так не постигло то, что подобает. А подобает, чтобы праздное и беспечно разжиревшее живое существо стало, пожалуй, добычей другого существа, сильно закаленного в мужестве и в трудах. Если мы станем достаточно тщательно — как это мы теперь и делаем — производить наши разыскания, то, возможно, этого и не случится до тех пор, пока каждый из нас будет иметь свою собственную жену, детей, жилища и будет обладать вообще частной собственностью. Далее если, в свою очередь, осуществится менее совершенное — о чем сейчас и идет речь, — то, при его осуществлении, вполне будет соблюдена надлежащая мера³². Мы утверждаем, что людям, живущим так, остается дело в высшей степени не маловажное и не ничтожное, но наиболее великое из всего предписываемого справедливыми законами. В самом деле, раз у домогающихся победы на Пифийских или Олимпийских играх уже совершенно нет досуга заниматься всеми остальными житейскими делами, то вдвое, или еще более того, преисполняется недосугом тот, кто проводит свою жизнь в заботах о всяческой добродетели, телесной и душевной, как это и было вполне правильно указано. Поэтому, никакое побочное занятие не должно служить препятствием для остальных дел, способных дать телу воспитание и выносливость в трудах, душе же знания и навыки. Кто станет осуществлять именно это, т. е. будет стараться овладеть достаточным совершенством

души и тела, тому, пожалуй, не хватит для этого всех ночей и дней.

Раз дело обстоит так от природы, то для всех свободорожденных людей надо установить порядок их поведения в течение **Е** всего времени дня; начать надо чуть ли ни с утра и без прерыва вплоть до следующего утра, т. е. до восхода солнца. Показалось бы некрасивым, если бы законодатель стал говорить о многих мелочах, часто повторяющихся в домашнем быту вообще, а в частности о ночном бдении, подобающем для тех лиц, что намерены тщательно и до конца стоять на страже государства. Впрочем, все должны считать позорным и недостойным свободорожденного человека, если и гражданин предается сну в течение **808** всей ночи целиком и не показывает своим домохозянам, что он всегда пробуждается и встает первым. Следует ли это назвать законом или же обыкновением, — безразлично. Точно так же, если хозяйка дома заставляет служанок будить себя, а не сама будит всех остальных, то раб, рабыня, слуга и — если только это возможно — весь дом целиком должен говорить между собою об этом, как о чем-то позорном. Всем надо пробуждаться ночью и заниматься множеством отдельных государственных или же хозяйственных вопросов — правителям в государстве, хозяйкам и **В** хозяевам — в своих собственных домах. Долгий сон, по природе, не подходит ни для нашего тела, ни для души, ни, в свою очередь, для деятельности телесной и душевной. В самом деле: всякий спящий ни на что не годен; он ничуть не лучше мертвого. А кто из нас всего более заботится о разумной жизни, тот пусть бодрствует возможно долгое время, однако, соблюдая то, что полезно **С** для его здоровья. Если это войдет в привычку, то сон будет недолог. Правители, бодрствующие ночью в государствах, страшны для людей злых — врагов и граждан, любезны и почтенны для людей справедливых и здравомыслящих, полезны и самим себе и всему государству.

Ночь, проведенная подобным образом, кроме всего вышеуказанного, внедрила бы еще и мужество в душу каждого обитателя **Д** государства. Утром, на рассвете, дети должны отправляться

к учителям. Без пастыря не могут жить ни овцы, ни что другое; так и дети не могут обойтись без каких-нибудь руководителей, а рабы — без господ. Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем больше у ребенка не направлен в надлежащее русло источник его разумности, тем более ребенок становится шаловливым, резвым и даже самым дерзким из живых существ. Поэтому его надо как бы обузды-
вать многими средствами, прежде всего тогда, когда он из рук Е кормилицы и матери поступает, для ребяческих забав, на попечение руководителя, а затем и учителя разных предметов и наук, подобающих свободорожденному человеку. Если же ребенок принадлежит к классу рабов, то первый встречный из свободорожденных людей пусть наказывает как самого ребенка, так и его пестуна или учителя, если кто из них погрешит в чем-либо этом. Если же такой первый встречный не наложит справедли-
вого наказания, то пусть его постигнет прежде всего величайшее 809 осрамление, а затем пусть тот из законохранителей, кто был выбран на должность попечителя о детях, смотрит за этим первым встречным, о котором идет речь, раз он не наказал, хотя и был должен это сделать, или же наказал, но не так, как следует. Этот законохранитель у нас должен быть зорким; он должен чрезвычайно заботиться о воспитании детей, исправлять их природные свойства и постоянно направлять их к благу, согласно законам.

Но, опять-таки, каким образом у нас сам закон достаточно воспитает самого этого законохранителя? Ведь сейчас ни о чем не было сказано достаточно ясно; кое о чем шла речь, о прочем — нет. Между тем, этому закону не следует опускать, по
возможности, ничего; надо растолковать каждое слово закона, чтобы этот закон служил показателем и воспитателем для остальных. Относительно хореи, песен и плясок уже было сказано, т. е. о том, какой характер они должны носить, как их надо выбирать, исправлять и освящать. Но мы еще не сказали о том, какие именно письменные, хотя и не стихотворные, произведения используешь ты, наилучший из попечителей о детях, для занятий со своими воспитанниками, и каким именно образом станешь ты
это делать. Впрочем, относительно военного дела ты уже знаешь из нашей беседы, что именно должны изучать воспитанники и С

в чем они должны упражняться. Что же касается, во-первых, грамоты, затем лиры и счета—а мы сказали, что каждый должен владеть этими знаниями, по крайней мере, поскольку они применяются в военном деле, в домоводстве и в государственном правлении,—а также сверх того, что касается полезных сведений об обращении божественных светил, звезд, солнца и луны, поскольку всякому государству необходимо иметь установления об этом, то—но о чем же собственно у нас сейчас идет речь? О порядке дней в зависимости от обращения месячных фаз луны, о распорядке месяцев на каждый год, чтобы все времена года, жертвоприношения и празднества получили то, что каждому из них подобает по природе; чтобы они животворили и будили государство; чтобы они воздавали богам почет, а людей делали более разумными в этом отношении,—все это, друг мой, еще недостаточно для тебя изложено законодателем. Так обрати же внимание на то, о чем далее будет речь! Мы сказали, что у тебя, прежде всего, нет достаточных указаний относительно грамоты. Что же именно ставим мы в упрек нашему изложению? Вот что: тебе не было указано, должен ли намеревающийся стать хорошим гражданином вдаваться в подробности этой науки, или он может совершенно к ней не приступать. То же самое и относительно лиры. Итак, мы утверждаем теперь, что он должен учиться этой науке. Ребенок, начиная с десятилетнего возраста, должен обучаться грамоте в течение приблизительно лет трех; тринадцатилетний возраст будет подходящим для начала обучения игре на лире; это обучение займет еще три года. Но ни отцу ребенка, ни самому ребенку—любит ли он ученье или ненавидит его—не разрешается ни увеличивать ни уменьшать этого срока; не разрешается заниматься этим делом больше или меньше вопреки законам. Ослушник пусть будет лишен права на те почести за воспитанность, о которых придется говорить немного далее. Но чему должна молодежь обучаться в течение этого промежутка времени? В свою очередь, чему должны учить учителя? Это-то вот и надо прежде всего усвоить тебе самому. Над грамотой предстоит ребенку потрудиться до тех пор, пока он не сможет писать и читать. Что касается при этом скорости или же красоты, то не надо настаивать, если природа ребенка не способствует этому в течение установленных для обучения лет. Что же

касается изучения не соединенных с игрою на лире поэтических произведений, закрепленных письменно, частью в стихах, частью же без ритмических долей,—т. е., просто так называемая запись нашей речи, лишенная ритма и гармонии,— то многими опасными людьми оставлены нам опасные писания. Как используете их вы, лучшие из законохранителей? Или: чем именно пользоваться предпишет законодатель и при каких условиях его предписание было бы правильно? Я предвижу, что законодатель будет в большом затруднении.

Клиний. В чем дело, чужестранец? Кажется, ты находишься, действительно, в затруднении и говоришь сам с собой?

Афинянин. Хорошо, что ты меня прервал, Клиний. Вы также сообща участвуете в установлении законов; поэтому перед вами и надо изложить, что мне кажется легко осуществимым и что нет.

Клиний. Так что же? Под впечатлением чего ты говоришь?

Афинянин. Ну, так и быть, скажу: вовсе нелегко высказывать то, что противоречит нередко тысячам уст.

Клиний. Но как же? Разве высказанное нами ранее о законах, по твоему, мало или чуть-чуть противоречит мнению большинства?

Афинянин. В этом ты совершенно прав. Ты побуждаешь меня, как мне кажется, следовать по тому же самому пути, ставшему ненавистным для многих, впрочем любезному для, быть может, не меньшего числа людей,— а если и для меньшего, то, стало быть, по крайней мере не для худших людей,— ты побуждаешь меня идти вместе с ними, презирая опасности, и смело не отступать в нашем законодательстве от того пути, что намечен нами теперь в этой нашей беседе.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Итак, я не отступлю. Я говорю, что у нас есть очень много поэтов, пользующихся в своих произведениях гексаметром, триметром и всякими вообще, так называемыми, размерами; одни из них творят всерьез, другие — чтобы рассмешить. Нередко тысячи людей утверждают, что именно произведениями

этих поэтов и следует вскармливать и насыщать получающую надлежащее воспитание молодежь, чтобы путем чтения она услышала о многом, знала и усвоила многое; чтобы она знала наизусть целых поэтов. Другие избирают из всех поэтов самое главное, составляют сборники изречений, утверждая, что именно это должен запомнить и выучить наизусть всякий, кто хочет у нас стать хорошим и мудрым благодаря большой опытности и большим знаниям. Так вот, ты и побуждаешь меня откровенно высказаться, в чем все они правы и в чем — нет?

Клиний. Да, именно так.

Афинянин. Что же сказать мне, чтобы одним словом доставить точно ответить на все эти вопросы? Я думаю, пожалуй, вот что — в этом и всякий со мной согласится: каждый из этих поэтов высказал много прекрасного, но много и противоположного; а раз дело обстоит так, то, утверждаю я, большие знания в этой области грозят детям опасностью.

Клиний. Так что же посоветовал бы ты законохранителю?

Афинянин. О чем ты говоришь?

Клиний. На что должен взирать законохранитель, как на образец? Что должен он предоставить для изучения всей молодежи, а что запретить? Скажи, нимало не медля.

Афинянин. Друг мой, Клиний, мне выпала, кажется, в некотором роде удача.

Клиний. В чем именно?

Афинянин. В том, что я не совсем лишен такого образца. Сейчас, оглядываясь на беседу, которую мы вели с утра и до сих пор, — и, как мне кажется, не без некоторого божественного вдохновения, — я нахожу, что наши речи очень похожи на нечто поэтическое. Быть может, нет ничего удивительного в том состоянии, в том очень радостном чувстве, которое испытываю я, смотря на мои собственные речи в целом. В самом деле, из большинства сказанных речей, которые я знаю или которые слышал в стихах или в прозе, из всех них самыми сообразными и наиболее подходящими для слуха молодежи показались бы мне мои речи. Поэтому и для законохранителя или воспитателя я не нашел бы, думаю, лучшего образца, чем именно этот, для обучения детей учителями, по моему совету. Если случится, проходя стихотворения поэтов, или сочинения написанные прозой, или же

просто устные, не записанные, произведения, встретить выражение подобных же взглядов, братски родственных нашим суждениям, то никоим образом нельзя этого опускать, но надо записать. Прежде всего надо заставить самих учителей усвоить и одобрить это. Не надо пользоваться сотрудничеством тех учителей, которым это не нравится; кто же одобряет и соглашается, такими надо пользоваться; именно им надо вручить молодежь для обучения и воспитания. На этом я кончу свое слово о грамматистах³⁴, а также и о грамоте.

812

Клиний. Что же касается нашего задания, то, мне кажется, чужестранец, мы не свернули с пути, намеченного нашей беседой. Удастся ли нам до конца держаться прямо нашего пути, — сейчас, пожалуй, трудно решить.

Афинянин. Это, Клиний, конечно, обнаружится, когда, как мы нередко указывали, мы дойдем до конца в наших изысканиях относительно законов.

В

Клиний. Верно.

16

Афинянин. Итак, вслед за грамматистом, нам надо поговорить о кифаристе?

Клиний. Да.

Афинянин. Припомнив наши предшествующие рассуждения, мы, думаю, мне, уделим кифаристам подобающую часть в обучении и, вместе с тем, и во всяческом воспитании, касающемся этого предмета.

Клиний. О чем именно ты говоришь?

Афинянин. Помнится, мы утверждали, что шестидесятилетние певцы, участники Дионисического хора³⁵, должны стать чрезвычайно чуткими к ритму и к гармоническим сочетаниям, чтобы в напевных воспроизведениях отличить от дурных хорошие воспроизведения душевных состояний. Кто может отличить подобия хорошего состояния души от подобий, воспроизводящих противоположное, тот последние отвергнет, а первые возьмет для своего публичного выступления; станет петь и зачаровывать душу молодежи, побуждая путем этих воспроизведений каждого следовать за собою к стяжанию добродетели.

С

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, ради этого, кифарист и его воспитанник
D должны дополнительно воспользоваться звуками лиры, в виду
определенности ее струн, настраивая звуки соответственно зву-
кам; лирное же другогласие и разнообразие, когда струны из-
дают один напев, а автор сочинил другую мелодию; когда про-
изводят согласие и противогласие сопоставлением напряженности
и разреженности, быстроты и медленности, повышения и пони-
жения; когда точно так же приспособляют пестрое разнообразие
E ритмов к звукам лиры, — все это не приносит пользы при обу-
чении детей, раз им надо быстро, в течение только трех лет,
овладеть тем, что́ есть полезного в музыке³⁶. В самом деле: про-
тивоположности, вносящие взаимную путаницу, создают только
трудности для усвоения, а молодежь должна усваивать все как
можно лучше. И необходимые науки, предписанные молодежи,
не незначительны и не малочисленны, как это со временем по-
кажет дальнейший ход нашего рассуждения. Так вот, пусть у нас
воспитатель именно так и озаботится относительно музыки.
Что же касается самих напевов и, в свою очередь, слов, каким
должны обучать учителя хоров, то и это все у нас уже разобрано
813 выше. Мы сказали, что они должны быть священными; каждые
из них должны сообразоваться с определенными празднествами;
они должны принести государствам пользу и удачно выбранное
наслаждение.

Клиний. Это тоже сказано верно.

Афинянин. Если это вполне верно, то пусть воспримет эти
наши указания правитель, выбранный для попечения о музее; и
пусть его заботы об этом увенчаются полным успехом. Мы же
разберем еще кое-что в дополнение к сказанному раньше о пляске
B и вообще о телесных упражнениях. Подобно тому, как мы разо-
брали остальные вопросы относительно обучения музыке, точно
так же поступим мы и относительно гимнастики. И мальчики и
девочки должны обучаться пляске и гимнастическим упражне-
ниям. Не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Для преподавания было бы более целесообразно,
чтобы у мальчиков были учителя пляски, а у девочек — учи-
тельницы.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. Давайте, снова призовем попечителя о детях, хотя у него и будет очень много дела: ведь он печется как о вопросах, касающихся музыки, так и о вопросах, касающихся гимнастики, так что досуга у него будет мало.

Клиний. Между тем это человек почтенного возраста. Как же сможет он осуществить свое попечение о столь многом?

17

Афинянин. Очень просто, друг мой. Закон дал и даст ему право привлекать для этого попечения тех из граждан—мужчин или женщин,—кого он захочет. Он уже будет знать, кого следует привлечь; он не захочет оказаться небрежным в этом отношении, так как он разумно посоветится, понимая значение своей должности, да и примет в соображение то обстоятельство, что у нас все пойдет как следует, если молодежь получила или получает хорошее воспитание. Если же этого нет,—впрочем, не стоит договаривать, мы не станем говорить об этом, считаясь с теми людьми, что любят, при возникновении нового государства, усматривать во всем предзнаменования.

Итак, много уже у нас сказано и об этом, то есть о том, что имеет отношение к пляске и всяческим упражнениям в гимназиях. В самом деле: мы считаем, что гимназии охватывают также и преодоление телом всех воинских трудностей, как-то: стрельбы из лука, всякого рода метания, употребления легкого и различного тяжелого вооружения, тактических развертываний, умения отправиться в любой поход, умения разбить лагерь, и тех знаний, что касаются кавалерийского дела. Всему этому должны обучать общественные учителя, состоящие на жалованье у государства. Их учениками будут состоящие в государстве мальчики и мужчины, девочки и женщины—если только эти последние понимают в этом деле толк, обучившись, еще в девичестве, всяческой пляске в полном вооружении и бою, по выходе же замуж, прикоснувшись к тактическим развертываниям, строю, одеванию и сниманию оружия. Это следует делать, если не ради чего либо иного, так ради тех случаев, когда всему всенародному ополчению

приходится, оставив государство, предпринимать походы за его пределы. В этих случаях мальчики и остальные граждане должны быть в состоянии хоть настолько владеть оружием, чтобы стоять на страже государства; да и в обратных случаях — а ведь никак нельзя поручиться, что их не будет, — когда неприятели извне мощно вторгнутся с огромной силой — все равно, варвары ли они или эллины — тогда придется сражаться до конца и уже за самое государство. При этом великим бедствием для государственного строя является такое позорное воспитание женщин, что они не желают умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, тогда как птицы это делают, сражаясь за своих детенышей с любым из самых сильных зверей; женщины же тотчас устремляются к святилищам, наполняют все храмы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу, как о самом трусливом, по своей природе, из всех живых существ.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, если где случится это явление, оно не принесет благообразия государству, не говоря уже о вреде.

Афинянин. Следовательно, мы установили этот закон в следующих пределах: женщины не должны пренебрегать военным делом, но все, как граждане, так и гражданки, должны о нем заботиться.

Клиний. Я, по крайней мере, согласен с этим.

Афинянин. Далее, мы уже кое-что высказали относительно борьбы. Но мы не коснулись того, что я назвал бы самым важным; правда, не легко высказать это словами, не пользуясь показательными телодвижениями. Поэтому мы будем судить об этом лишь тогда, когда слово будет сопровождаться действием и выяснится нечто определенное, как относительно остальных сторон вопроса, так и относительно того, что, по нашему мнению, такая борьба значительно более, чем всякие другие движения, является действительно родственной военному бою. В особенности же относительно утверждения, что борьбой надо заниматься ради войны, но не следует изучать военное дело ради борьбы.

Клиний. Это-то верно.

Афинянин. Пока ограничимся сказанным о значении борьбы. Что же касается остальных движений всего тела, — большую их часть правильно было бы назвать своего рода пляской, — то здесь надо различать два существующих ее вида: первый воспроизводит, для достойной цели, движения более красивых тел; второй воспроизводит, для низменной цели, движения тел более безобразных. В свою очередь, низменный род пляски распадается на два вида, да и серьезный род — тоже на два. Из видов серьезной пляски, один воспроизводит движения красивых тел и души мужественной на войне или при обстоятельствах, связанных с насильственными трудами, а другой — те движения, когда здравомысленная душа предается благим делам и умеренным наслаждениям. Таковую пляску можно, согласно с ее природой, назвать мирной. Воинственную же пляску, противоположную мирной, правильно было бы назвать военной пляской³⁷. Она воспроизводит, путем уклонений, всяких отступлений, прыжков в высоту или пригибаний, как можно осторожно избежать ударов и стрел; равным образом она пытается воспроизводить и противоположные этим виды движений, употребляемых при наступательных действиях, то есть при стрельбе из лука, при метании дротика, при нанесении различных ударов. Когда совершается воспроизведение движения хороших тел и душ, то при этом прямое и напряженное положение тела с устремлением прямо вперед, как это, по большей части, бывает, членов тела, является правильным, обратное же этому положение тела — неправильно³⁸. В свою очередь, при всякой мирной пляске, надо обращать внимание, правильно ли и не вопреки ли природе берется кто за эту прекрасную пляску и надлежащим ли образом пребывает он до конца в хороводах благозаконных мужей. Стало быть, прежде всего следует отделить сомнительную пляску от пляски, не вызывающей никаких сомнений. Что же это за пляска и по какому признаку надо отделить один ее вид от другого? Что касается вакхической пляски и примыкающих к ней видов пляски, называемых плясками нимф, панов, силенов и сатиров, где, как говорят, воспроизводят лиц охмелевших, причем справляют эти пляски при очищениях и некоторых таинствах, — то нелегко определить,

является ли весь этот вид пляски мирным или воинственным, и какова его цель. Мне кажется, всего правильнее, пожалуй, будет определить его следующим образом: отделив этот вид пляски как от воинственной, так и от мирной пляски, мы скажем, что он не имеет отношения к государственной жизни. Поэтому мы и оставим его на своем месте, а теперь перейдем к воинственной и мирной пляске, являющейся уже несомненно нашей³⁹.

Относящееся к невоинственной Музе, когда люди в плясках почитают богов и детей божьих, составляет, вообще, один род пляски; он возникает на основе людских представлений о благополучии. Мы разделили бы его на два вида: первый свойствен людям, избежавшим трудностей и опасностей и достигшим блага; он дает большие наслаждения. Второй же вид свойствен людям, сохраняющим и умножающим предшествующие блага; этот вид носит в себе более спокойные наслаждения, чем первый. В этих условиях каждый человек производит телесные движения более или менее сильные, в зависимости от более или менее сильных наслаждений. Чем более человек благоприспособлен и более закален в мужестве, тем меньшие движения он производит; если же он труслив и не упражнялся в здравомыслии, то его движения изменяются больше и сильнее. Вообще, не очень-то может всякий сохранять спокойное положение своего тела, когда пользуется своим голосом в пении или речи. Поэтому воспроизведение речи путем жестов и породило все в совокупности искусство пляски. Но при всем этом движения у одних из нас совершаются в лад, а у других не попадают⁴⁰. Если вдуматься, то нельзя не одобрить многих других древних названий, прекрасно данных согласно природе, в том числе и того названия, что было дано пляскам людей благоденствующих, но умеренных в своих наслаждениях. Как верно и как изящно назвал их тот — кто бы он ни был, — который с полным основанием дал им всем имя, назвав их „складными“⁴¹! Он установил два вида прекрасных плясок: первый, воинственный — „воинская пляска“⁴² и второй — мирный — „складная пляска“⁴³; каждому виду он дал подобающее и подходящее название.

Законодатель должен растолковать на примерах характер этих плясок. Законохранитель же должен их изыскивать, а отыскав, соединить пляску с остальным мусическим искусством и

распределить на все праздничные жертвоприношения, соответственно каждому празднеству. Таким образом должен он освятить последовательность всех их, чтобы впредь уже ничего не менять ни в пляске, ни в пении; чтобы одно и то же государство и граждане проводили таким образом время в одних и тех же наслаждениях, оставаясь, сколь возможно, себе подобными, живя хорошо и счастливо.

D

19

Итак, мы покончили с разбором вопроса о том, какими должны быть хороводные пляски людей прекрасных телом и благородных душою. Что же касается предназначенного для возбуждения смеха, шуточного воспроизведения в слове, пении и пляске, действий людей безобразных телом и образом мыслей,—то это еще нужно рассмотреть и объяснить.

В самом деле: без смешного нельзя познать серьезного; вообще противоположное познается с помощью противоположного, если только человек хочет быть разумным. Зато осуществлять и то и другое невозможно, если, опять-таки, человек хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно ради этого-то и надо ознакомиться с этими вопросами, чтобы, по неведению, не сделать и не сказать когда чего-нибудь смешного совершенно некстати. Подобные воспроизведения надо предоставить рабам и чужестранным наемникам. Никогда и ни в чем не следует серьезно заниматься этим; свободорожденные люди—женщины или мужчины—не должны обнаруживать своих познаний в этой области. Здесь постоянно должны совершаться все новые и новые воспроизведения. Итак, этот вот закон, в этих именно выражениях, мы и постановим относительно смехотворных забав, называемых всеми нами комедией.

E
817

Относительно называемых серьезными творцов трагедий, если кто из них, придя задаст такой, вопрос: „Чужестранцы, придать ли нам в ваше государство и вашу страну или нет? Вносить ли и вводить⁴⁴ ли нам произведения нашего творчества? Как вы насчет этого решили?“ Какой ответ мы были бы в праве дать божественным этим людям? Мне кажется такой. Достойнейшие из чужестранцев, мы сказали бы, мы и сами—творцы

B

трагедии наипрекраснейшей, сколь возможно, и наилучшей. Ведь весь наш государственный строй представляет воспроизведение наипрекраснейшей и наилучшей жизни; мы утверждаем, что это и есть действительно наиболее истинная трагедия. Итак, вы — творцы, мы тоже творцы. Предмет творчества у нас один и тот же. Поэтому мы с вами соперники по искусству и противники по состязанию в прекраснейшем действе. Один только истинный закон может от природы завершить наше дело; на него у нас и надежда. Так не ожидайте же, будто мы так-таки легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкогласных артистов⁴⁵, заглушающих нас звуками своего голоса; будто мы предоставим вам витийствовать пред детьми, женщинами и всею чернью, высказывать об одних и тех же занятиях не то же самое, что говорим мы, но чаще всего и по большей части даже как раз обратное. В самом деле, мы — да и все государство в целом, — пожалуй, совершенно сошли бы с ума, если бы предоставили вам возможность делать то, о чем сейчас идет речь; если бы правительственные должности не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для провозглашения их во всеуслышание, или нет. Поэтому теперь вы, потомки изнеженных Муз, покажите сначала правителям ваши песнопения, для сравнения с нашими. Если они окажутся одинаковыми по содержанию, или если ваши окажутся даже лучшими, мы вам дадим хор⁴⁶. В противном случае, друзья мои, мы этого не можем сделать.

Итак, относительно хореи и обучения ей, относительно отделения того, что предназначено для рабов, от того, что предназначено для господ, пусть будет законами установлены именно эти обычаи, если вы согласны.

Клиний. Как нам теперь с этим не согласиться?!

20

Афинянин. Итак, для свободорожденных людей остаются еще три предмета обучения: счисление и наука о числах составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины — второй; третий касается движения небесных светил и свойственного их

природе взаимного кругообращения. Трудиться над изучением всего этого до тонкостей большинству людей не надо, а лишь некоторым немногим. Кому же именно — об этом у нас речь впереди, под конец: там это будет уместнее. Однако, правильно говорится, что позорно, если широкие толпы не имеют необходимых сведений в этой области и если большинство людей пребывает в невежестве; вдаваться же в подробные изыскания во всех этих науках нелегко и даже совершенно невозможно. Впрочем, нельзя и отбросить необходимых сведений в этой области. Но тот, кто первый пустил поговорку о боге, имел, повидимому, в виду вот что: оказывается, и бог никогда не борется с необходимостью; здесь, думаю я, речь идет о необходимостях божественных. Если же дело идет о необходимостях человеческих — а ведь именно это имеет в виду большинство людей, высказывая подобное суждение, — то такое утверждение будет самым нелепым из всех.

Клиний. Какие же из необходимостей при обучении являются, чужестранец, не такими, а божественными?

Афинянин. По моему, это те, без осуществления и, в свою очередь, усвоения которых решительно никто не стал бы для людей богом, демоном или героем и не мог бы ревностно заботиться о людях. Многого не хватало бы человеку, чтобы стать божественным, если бы он не мог распознать, что такое единица, что такое два, что такое три, вообще, что такое четное и нечетное; если он вовсе не знает счета; если он не в состоянии расчислить ночь и день; если он не имеет сведений об обращении луны, солнца и остальных звезд. Поэтому большая глупость думать, будто все это не является необходимым предметом обучения для человека, собирающегося обучиться хоть чему-нибудь из самых прекрасных наук. Что же касается того, чему именно из этого, в каком объеме и когда надо обучаться, в какой последовательности, и что возможно изучать отдельно от прочего, словом вообще о соединении предметов обучения, — так вот это-то и надо, прежде всего, определить надлежащим образом, чтобы перейти к остальному, руководствуясь, при обучении, именно этими науками. Таким образом вступает в свои природные права необходимость, с которой, как мы говорим, не борется ныне — да и никогда не будет бороться — ни один из богов.

Клиний. Повидимому, чужестранец, сказанные тобою сейчас слова правильны и согласуются с природой.

Афинянин. Так обстоит дело, Клиний. Однако, трудно законодательствовать, когда мы таким образом заранее установили эти положения. Если угодно, мы займемся более подробно этим законодательством в другое время.

Клиний. Кажется, ты, чужестранец, опасаясь нашего обычного невежества в подобных вопросах. Однако, твои опасения неосновательны. Так попытайся же обсудить и это, ничего не скрывая из-за указанных причин.

819 Афинянин. Да, я опасаясь и того, о чем ты сейчас говоришь; но еще более боюсь я людей, коснувшихся этих наук, но коснувшихся плохо. Полнейшее невежество вовсе не так страшно и не является самым великим злом; а вот многоведение и многознание, плохо направленные, составляют гораздо большее, чем это, наказание.

Клиний. Ты прав.

21

Афинянин. Итак, надо сказать, что свободорожденные люди в должны обучаться каждый из этих наук в таком объеме, в каком им обучается, наряду с грамотой, великое множество детей в Египте. Прежде всего там наши простой способ обучения детей счету, применяя при обучении приятные забавы: яблоки или венки делят между большим или меньшим количеством людей, причем им соответствуют те же самые числа; устанавливают последовательность выступления кулачных бойцов и борцов; определяют, по жребию, как это обычно бывает, кому с кем с стать в пару⁴⁷. Есть еще и такая игра: смешивают в одну кучу золотые, бронзовые, серебряные и тому подобные сосуды, затем кто-нибудь распределяет их между участниками игры, причем, как я сказал, в игру входит необходимое ознакомление с числами. Для учащих это полезно, так как пригодится в походном строю, при маршировке, в походе, даже и в домашнем быту; вообще это заставляет человека приносить более пользы самому D себе и делает людей более бдительными. Помимо того, путем

измерения длины, ширины и толщины, люди освобождаются от некоего, присущего всем им, природного, смешного и позорного неведения в этой области.

Клиний. О каком неведении ты говоришь?

Афинянин. Друг мой, Клиний, я и сам был поражен, что лишь так поздно узнал то состояние, в котором мы находимся. Мне показалось, что это свойственно не человеку, но скорее каким-то свиньям. Я устыдился не только за самого себя, но и за всех эллинов.

E

Клиний. Разъясни, чужестранец, что ты этим хочешь сказать.

Афинянин. Хорошо, скажу. Впрочем, это выяснится, если я тебе буду задавать вопросы, а ты коротко будешь отвечать. Ты знаешь, что такое длина?

Клиний. Да.

Афинянин. Что такое ширина?

Клиний. Конечно, знаю.

Афинянин. А также и то, что это составляет два измерения; третьим же измерением будет глубина?

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Разве не кажется тебе, что все это соизмеримо одно с другим?

Клиний. Да.

Афинянин. Я думаю, что от природы возможно измерять ⁸²⁰ длину длиной, ширину — шириной, и точно так же и глубину?

Клиний. Вполне.

Афинянин. А если бы оказалось, что кое-что не вполне соизмеримо, или нелегко соизмеримо, а лишь отчасти да, отчасти нет, между тем как ты считаешь все соизмеримым? В каком бы положении, по твоему, очутился ты?

Клиний. Ясно, что в незавидном.

Афинянин. Так что же? Разве не полагаем все мы, эллины, что длина и ширина так или иначе соизмерима с глубиной, или что ширина и длина соизмеримы друг с другом?

Клиний. Да, вполне соизмеримы.

B

Афинянин. И вот если опять-таки окажется, что это невозможно никоим образом и ни в каком отношении, между тем как, повторяю, все мы, эллины, полагаем, что это возможно, то разве

это не является достойною причиною устыдиться за всех них? Разве не сто́ит сказать им: лучшие из эллинов, это и есть одна из тех вещей, не знать которых, как мы утверждали, позорно; впрочем, такое знание еще не является чем-то особенно прекрасным, коль скоро оно необходимо.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Кроме этого, есть и другие, родственные этому области, где у нас возникает опять-таки много братски-родственных заблуждений.

Клиний. Какие именно области?

Афинянин. Те, в которых, сообразно своей природе, возникает взаимно-соизмеримое и взаимно-несоизмеримое. Необходимо иметь в виду и знать их различие; иначе человек будет ни к чему негоден; надо постоянно указывать на это друг другу; таким образом люди проводили бы время гораздо более приятно, чем старики в игре в шашки: ведь старикам подходит, состязаясь в этой игре, коротать свое время.

Клиний. Возможно. Итак, повидимому, игра в шашки не так далеко отстоит от этих наук?

Афинянин. Поэтому-то, Клиний, я и утверждаю, что молодежь должна этому обучаться. В самом деле: это не приносит вреда и не трудно; обучение, сопряженное с игрой, будет полезно и ничуть не повредит нашему государству. Впрочем, надо выслушать, нет ли каких возражений?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. Если обнаружится, что дело обстоит именно так, то ясно, что мы примем это, как предмет обучения; если же обнаружится, что это не так, то они будут отвергнуты.

Клиний. Ясно. Что же из этого?

Афинянин. Итак, чужестранец, постановим это, так как оно относится к числу тех наук, которые должны быть изучаемы, чтобы не было пробелов в наших законах. Пусть это будет постановлено, как спасительный залог для остального государственного устройства, даже если это и вовсе не нравится ни нам, установителям, ни вам, для кого это установлено?

Клиний. Твое установление справедливо.

Афинянин. После этого обсуди, будет ли соответствовать нашим желаниям — или не будет, — чтобы молодежь обучалась указанной науке о звездах?

Клиний. Продолжай.

Афинянин. Тут положение вещей очень странное и совершенно недопустимое.

Клиний. В чем дело?

Афинянин. Мы говорим, будто не следует заниматься суетными изысканиями и исследованиями относительно величайшего бога и всего этого мира и относительно причин, так как это, будто бы, нечестиво. Но, повидимому, на самом деле положение вещей как раз совершенно противоположно.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Высказываемый мною взгляд покажется, пожалуй, неожиданным и неподходящим для старика. Однако, если находишь какую-нибудь науку прекрасной, истинной, полезной для государства и вполне любезной богу, то никоим образом невозможно не высказать этого.

Клиний. Естественно. Но найдем ли мы что-либо подобное в науке о звездах?

Афинянин. Друзья мои, в настоящее время, сказал бы я, все мы, эллины, заблуждаемся относительно великих богов солнца и луны.

Клиний. В чем состоит это заблуждение?

Афинянин. Мы говорим, что они никогда не движутся по одному и тому же пути, так же как и некоторые другие звезды вместе с ними; поэтому мы их и называем блуждающими⁴⁸.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, ты говоришь правильно. Однако, я в своей жизни нередко наблюдал и сам, как Зореносец и Геспер⁴⁹ и некоторые иные звезды никогда не совершают того же самого бега, но блуждают повсюду; солнце же и луна совершают то, что нам всем всегда известно.

Афинянин. Поэтому-то, Мегилл и Клиний, я и утверждаю теперь, что наши граждане и молодежь должны обучиться всему этому относительно небесных богов, хотя бы в таком объеме,

чтобы не злословить на них, но постоянно, при жертвоприношениях и в молитвах, сохранять благочестивое благословие⁵⁰.

Клиний. Это верно, если только, прежде всего, возможно обучиться тому, о чем ты говоришь. Затем, раз мы кое в чем высказываем теперь неправильные взгляды о них, а обучившись, станем высказывать правильные, то и я лично уступаю тебе в том, что подобную науку надо усвоить, по крайней мере, в таком объеме. А ты попытайся всячески растолковать, что дело, действительно, обстоит так. Усвоив это, мы последуем за тобою.

Е Афинянин. Хотя и нелегко понять, о чем я говорю, однако, и не так уже трудно. Да и времени это не требует особенно долгого. Вот вам доказательство: не молодым и не так давно узнал я об этом; однако, я мог бы теперь объяснить вам это, и притом в короткое время. А ведь если бы это было трудно, то я никогда не был бы в состоянии объяснить вам, к тому же считаясь с нашими преклонными годами.

Клиний. Это верно. Но о какой науке говоришь ты такие 822 странные вещи; ей должна обучаться молодежь, между тем нам она неизвестна? Попробуй хотя бы несколько разъяснить это.

Афинянин. Надо попробовать. Друзья мои, это мнение о блуждающем движении луны, солнца и остальных звезд неправильно. Дело обстоит как раз наоборот. Каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает круговое движение не по многим путям, но всегда по одному; это только кажется, что оно носится по многим путям. Опять-таки неправильно считать самое быстрое из этих светил самым медленным, а противоположное противоположным. Итак, если природа устроила это так, а мы держимся иных мнений, то —⁵¹. Если бы в Олимпии, при конных состязаниях в беге, или при состязании людей в длинном беге, мы тоже держались такого образа мыслей и считали бы самого быстрого бегуна самым медленным, а самого медленного — самым быстрым, то мы стали бы воздавать побежденному хвалу за победу. Я, думаю, было бы неправильно и неприятно для бегунов, если бы мы стали так применять наши похвалы, а ведь бегуны — только люди. Если же мы и о богах 823 впадем в такую же ошибку, то неужели мы не сообразим, что то, что было смешно и неправильно тогда и там, будет вовсе

не смешно теперь и здесь, то есть, применительно к богам. Богам неприятно, если мы воспеваем им ложную хвалу.

Клиний. Совершенно верно, если это так.

Афинянин. Следовательно, если мы докажем, что это обстоит так, то все подобные науки надо будет изучать хотя бы в указанном объеме. Если же мы не докажем, то придется их оставить. Пусть именно так и будет нами положено.

Клиний. Да, конечно.

23

Афинянин. Итак, надо сказать, что уже покончено с во-просом об узаконениях относительно образовательных предметов обучения. Относительно охоты и всего тому подобного надо судить таким же образом. Обязанность, предписанная законодателю, рискует оказаться шире, и он не может, дав законы, считать свою задачу исполненной. Кроме законов, есть и нечто иное, занимающее по своей природе среднее место между увещанием и законами. Это часто уже вторгалось в нашу беседу, как, например, вопрос о воспитании совсем малых детей. Мы утверждаем, что нельзя оставить это не высказанным, но, с другой стороны, считать высказанное за установленные законы — значит преисполниться великого безумия. После того, как таким образом будут начертаны законы и весь государственный строй, нельзя считать совершенной похвалой выдающемуся своею добродетелью художнику, если о нем скажут, что он лучше всего служит законам и более всего им повинуетя, а, следовательно, что он — хороший человек. Более совершенным будет такой отзыв: вот человек, проводящий всю, без исключения, свою жизнь в повиновении предписаниям законодателя, все равно даны ли они в виде законов, или же в виде только одобрения и порицания. Это будет самым правильным выражением похвалы гражданину. Действительно, законодатель должен не только начертать законы, но и вплести в свое начертание законов, дополнительно к законам, свои мнения о том, что прекрасно и что — нет. А образцового гражданина это должно обязывать ничуть не менее, чем то, за неисполнение чего законы грозят наказанием. 823

В Мы можем сослаться на то, чем мы теперь заняты. Это скорее всего выяснит наше намерение. Охота есть нечто очень разнообразное, но в наше время все это охватывается этим одним названием. Есть много видов охоты на водяных зверей, много видов охоты на птиц, а также чрезвычайно много видов охоты на сухопутных животных. Впрочем, охота может быть и не только на зверей, но и на людей, как это бывает на войне. Ведь и это заслуживает, если вдуматься, названия охоты. Много есть видов охоты, обусловленных дружбою; одни из них похвальны, другие — непохвальны. Далее грабежи, как разбойников, так и одного войска по отношению к другому, являются видами охоты. Законодателю, устанавливающему законы об охоте, невозможно не выяснить этого; но, с другой стороны, невозможно для всего этого установить грозные узаконения или прибавить особые распоряжения и наказания.

Так как же поступать с подобного рода вопросами? Первому, то есть законодателю, следует выразить свое одобрение или порицание трудам и занятиям молодежи, касающимся охоты; с другой стороны, молодому человеку следует выслушать его указания и повиноваться им, не ссылаясь ни на наслаждения, ни на трудности, и в особенности следует уважать то, что одобрено, и исполнять предписания, руководствуясь установленными законами, угрожающими иной раз и наказанием.

После такого предисловия было бы уместно непосредственно перейти к одобрению или порицанию тех или иных видов охоты. Заслуживает одобрения тот вид охоты, который улучшает души молодых людей; заслуживает порицания противоположный вид. После этого обратимся непосредственно к молодым людям с таким пожеланием: О, если бы, друзья, никогда не охватывало вас страстное стремление к морской охоте, к ужению рыбы, вообще к охоте на водяных животных, днем ли то или ночью, при помощи верши! О, если бы вы не занимались этим негодным видом охоты! Далее, пусть не охватывает вас стремление к ловле людей и морскому разбою, которое сделало бы из вас жестоких и незаконных охотников. Пусть даже отдаленно вам не приходит на мысль заняться воровством в пределах страны и государства.

824 Опять-таки пусть никого из молодых людей не охватывает исподтишка любовь к охоте на птиц, не очень-то подходящая для

свободорожденного человека. Нашим любителям состязаний остается только охота и ловля сухопутных животных.

Однако и здесь недостойна похвалы так называемая ночная охота, на которой ленивые люди поочередно спят, а также и тот вид охоты, где допускаются передышки в труде, где побеждает не духовная настойчивость, а овладевают сильными дикими зверями при помощи тенет и силков. Стало быть, остается одна только наилучшая для всех охота — конная или псовая на четвероногих животных; при ней люди применяют силу своего тела; те, кто пекутся о божественном мужестве, одерживают там верх; они скачут, ударяют, стреляют и собственными руками ловят добычу.

Сказанная речь могла бы служить похвалой и порицанием всем этим видам охоты. Закон же будет следующий: этим, действительно священным, охотникам пусть никто не препятствует заниматься, где и как угодно, псовою охотой. Ночному же охотнику, полагающемуся на свои тенета и западни, пусть никто, нигде и никогда не позволяет охотиться. Птицелову пусть не препятствуют охотиться в местах невозделанных и в горах; но пусть первый встречный прогонит его с обрабатываемых священных земель. Рыбаку дозволяется ловить рыбу везде, за исключением гаваней, священных рек, озер и прудов, лишь бы только он не употреблял соков, мутящих воду.

Теперь уже можно утверждать, что узаконения о воспитании закончены.

Клиний. Прекрасно.
